

«ЧЁРНЫМ ЛИ СИЛАМ УСЛУЖАТЬ?..»

Кинжальная проза Сергея Сибирцева

Сибирцев Сергей. Избранное : в 2 томах. — М. : РИПОЛ классик, 2021.

ВЫШЕЛ ДВУХТОМНИК писателя Сергея Сибирцева, включающий его известные романы "Государственный палач" и "Приговорённый дар", а также избранные эссе, рассказы и сказки, отзывы о его творчестве литературных критиков и коллег-литераторов.

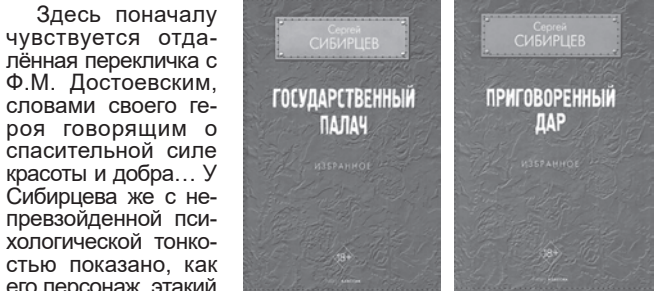
"Справиться" с прозой Сергея Сибирцева — это, почти как по Юлиусу Эволе, "оседлать тигра". И не потому, что она трудна для прочтения, наоборот, автор совсем не лукавит, когда приглашает читателя погрузиться в его "весёлые сочинения", в его "мирные юмористические сочинительские записки", потому как непутёвая и страшная жизнь, кричащая, хрипящая и шепчущая в них, по высокому счёту смешна. Всё о ней давно сказано, на что и намекает прозаик в эпиграфах и влетая в поток повествования библейские сюжеты, образы мировой классики, а то и прямо сылаясь на судьбу проводника крушения "золотого храма" в душе человеческого, падшего гения Юкио Мисимы...

Давно сказано... Но забыто или не понято, что читателю требуется определённое мужество, чтобы вслед за автором, испытующим на пределе духовных и словесных возможностей свой дар "воспроизвести правду о человеке", быть готовым воспринять эту правду. Потому как, в отличие от прежних времён, ныне вызывающих такой правды комфорта не находится. Тех, кто стремится без самоспасительных, комфортных иллюзий всплунуть на себя, на окружающее, на будущее России и человеческой цивилизации в целом. Масштаб высказывания писателя о переменах представлений о роли и предназначении homo sapiens таков, что шире любых условных границ.

"Инфернальная жуть", выглядывающаяся в нас почти с каждой странички прозы Сибирцева, о чём привычно пишет критика, рецензируя его произведения, не является особенностью писательского видения современной реальности, его творческой фантазией. И не стоит так же успокаивать себя, что автор хочет показать "нам всем, каким нельзя быть".

Впечатляющий гиперреализм Сибирцева в визуализации пороков и отклонений в человеческой природе не является и "метафизической метафорой", а его герой — совсем не выходец из "инфернальных омутов" мироздания. Он живёт среди нас, современник и выкормись того грандиозного духовного перелома, который произошёл в России за последнее тридцатилетие, так или иначе изменив каждого, выступив в мир "бесов" разрушения и алчности. Его последствия очевидны и рутинно фиксируются на лентах ежедневных новостей, демонстрируя смещение всех извечных ценностей в режиме "новой нормальности".

НА ФОНЕ всевозможных глобалистских форумов на темы изменений климата или виртуализации реальности уже едва ли не атавизмом воспринимаются личности вроде героя Сибирцева в "Приговорённом даре", интеллигентка, бывшего госслужащего, внезапно ощутившего призвание стать "убийцей", очичать "землю, земную поверхность, земную атмосферу" "от скверны в образе человеческой особи". Однако всё ещё не до конца расчеловеченного и до настоящих физических "холодных мурашек" любящего красоту: "Красоту, которая есть изначально творение рук Божьих, и рук работ Божьих — человеческих рук. Эта красота ныне утеряна в Городе, утрирована под стандарт, под рутинный, конвейерный поток штамповок. Даже новые богатые буратина, городящие свои помпезные жилища-дворцы, совершенно не приемлют и не понимают истинной неаффекированной рукотворной красоты".

Здесь поначалу чувствуется отдалённая переключка с Ф.М. Достоевским, словами своего героя говорящим о спасительной силе красоты и добра... У Сибирцева же с непрезвзойдённой психологической тонкостью показано, как его персонаж, этаким современным "отдельным человеком", "идиот", постепенно целиком уходит в "нигде", переломанный в жерновах торжествующего меркантильного "наступившего настоящего", обустроиваемого по "адскому образу и подобию". Без Родины, без дома, без цели, с ощущением полной жизненной истерзанности. Лишь вопрос остаётся: "чёрным ли силам служить?", "добровольно превратиться в низшего порядка тварь" или всё-таки "без остатка отдаться добромому божественному началу"?

На подобных отчаянных вопрошаниях о смысле человеческого существования в повседневном и вечном построена вся проза Сергея Сибирцева. Будто "на обнажённом жале кинжала" балансирует его слово, не сходя прирученного к политикоректности и к навещающему "золотые сны" гламуру читателя. От этой прозы нечего ждать утешения или ярких картинок светлого будущего. Местами она откровенно и провокационно грубальна, но одновременно спасительна в наших туманных и трагических буднях своей иронией и неприкрытой насмешкой над суетными метаниями пустых душ, с радостным гоголем потакающих "демонам всевозможных мастей".

Где берёт силы писатель, чтобы выстоять, не отдаться течению той изворотливой и выморочной действительности, пафосно себя представляющей в разнообразных модных ипостасях, на телеэкране, в премиальных забегах, на элитных сборищах? Почему-то кажется — не в столицах, хотя им написан цикл остроумных и ироничных эссе "Московские этюды", где автор даже обещает "своим домашним", "жалюющим малооплачиваемые литературные упражнения", пойти поутру и "устроиться в миллионеры", и вознosit пародийный гимн "О (не) нужности бестселлеров", в нескольких абзацах демонстрируя, что и сам бы мог с лёгкостью преуспеть на этом попрщице, включившись со своим супер-судшиком "майором Грунтовым" в поток доходных книжечек-однодневок.

Нет, не здесь кроется корень жизненной и творческой силы писателя Сергея Сибирцева, основа его таланта. Несколько строчек из его биографии указывают другой путь. "Университеты" автора, как пишется в аннотации к двумотнику, включали в себя и работу в геологической партии, осваивающей нехоженую тайгу и болота Якутии, золотые прииски Бодайбо, труд в колхозах, на стройках Амурской области, работу палубным матросом на пароходах Амура... В той реальности, когда начал писать молодой Сибирцев, признавались иные, нежели сейчас, достоинства таланта. Его проза вырастает из жизни, а не из умозрительных складных умствований или востребованной рынком конъюнктуры. Эта проза — свидетельство смитения умов, ищущих в диалоге с вечностью, поверх всех прельстительных ловушек и приманок нашего времени, точки опоры для самостояния. И даже нынешнее молчание Сергея Сибирцева красноречиво.

Людмила ЛАВРОВА

Герой Французского Освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов. Источники и исследование : коллективная монография / составители: Н.Д. Лобанов-Ростовский, М.А. Трубникова-Муре, Е.С. Федорова. — М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. — 632 с. : ил.

О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ написаны тома исследований. Чистая правда и грязноватые домыслы, понимание и осуждение, чёрное и белое. Там, на чужбине, развилась параллельная культура, никак не связанная с красно-большевистской, но имевшая в ней общие корни — дворянско-разночинные, с "достоевской" рефлексией. Издавались свои журналы, устраивались балы и вечеринки, продолжался дагилевский балет, но уже в костюмах от Шанель. Формировались скаутские отряды.

этого дома музей Тургенева". Воспоследовали переезды и злключения — с фамилией Вырубов тут же попадали под пресс — у всех была на слуху Анна Вырубова, лучшая подруга императрицы и, как трепались злые языки, — любовница Распутина.

В 1924 году им всё же удалось покинуть несласковую Родину и поселиться в Европе. Николай Вырубов вспоминал, как бедно и в то же время легкомысленно жилос в Париже "...в среде, очень беспомощной в финансовом отношении". Но это не особенно пугало: "Мы все знали, что принадлежим одному кругу, ни у кого не было денег, и все относились друг к другу дружески". Он признавался, что и в кино ходили редко, ибо дорого, но все были молоды, красивы, любили танцевать и собираться тёплыми компаниями.

лился ли этот парень о Франции? И да, и нет. Новая родина так и не стала реальностью. Это особенность русских — куда бы ни кидала их Фортуна, они остаются теми, кем родились. Это же можно отнести и к англичанам...

Но вернёмся в сороковые-роковые! Николай Вырубов описывал свои военные приключения с виртуозностью романиста. О том, как взял псевдоним Флэри — по названию места, где когда-то обосновались Вырубовы, как был ранен, как носило его по горячим точкам планеты: "Тогда примерно половина из нас высидилась в Камеруне, а другая половина, в которой был и я, — в Конго. В скором времени меня включили в отряд, который должен был пересечь африканский континент от Атлантического океана до Красного моря в поисках сухопутного пути снабжения Египта".

ОСТАВАТЬСЯ РУССКИМ

О герою Французского Сопротивления Николае Вырубове

По-прежнему пелось "Боже, царя храни!" — по привычке и с надрывом. А кто-то затрягал на шее петлю, устав от нищеты, слёз и ностальгии по осенней прозрачности какого-нибудь Отрадного или Тригорского. Русский безэмигрант в 1920-х—1930-х был настолько типичной фигурой, что его упоминали Сомерсет Моэм, Генри Миллер, Пелаг Гренвил Вудхаус и даже Агата Кристи в своём цикле об Эрколе Пуаро.

Каждая эмигрантская судьба уникальна. Сегодня у нас есть возможность ещё раз в этом убедиться, прочитав книгу о Николае Васильевиче Вырубове (1915 — 2009), герое Французского Освобождения, русском дворянине. Этот человек прожил долгую и, наверное, счастливую жизнь — о тяготах говорил он просто, о подвигах — тоже. Но главное, что все годы — почти сто лет! — он оставался русским: "Наши родители жили в изгнании, но на свободе, и воспитали нас в семейном духе, внушая нам сознание долга и достоинства, а также русскость, которую мы старались сохранить". Сохранение русскости — тот идеал, к которому стремились многие "бывшие", но не всем это удалось в полной мере.

Николай Вырубов родился 7 февраля 1915 года в Орле. Семья не шиковала — предреволюционное дворянство en masse трудилось и служило. В ходе экспроприации у Вырубовых был отнят дом, причём под архи-благотворительным предлогом: "В 1918-м, когда моя семья жила в Орле в доме бабушки, пришла советская власть, и нам приказали оставить дом, поскольку политический комиссар решил сделать из

Кто-нибудь рыдал о "бриллиантах, защитных в стужа", на которых теперь сидит расхристанная комиссарша? Ни за что. Страдали от иного. От того, что нет единого смысла бытия — России: "Я никогда не слышал, чтобы при мне говорили об имущественных потерях. Люди были лишены источников их духовной жизни, и имущество терпело для них значение. Самой большой потерей была, конечно, атмосфера той жизни".

Для друзей Вырубова тема Совдепа была чем-то вроде поминания чёрта на храмовом празднике, однако сам Николай спокойно относился к выбору, сделанному русским народом в 1917 году. Поэтому он писал: "Советский Союз не был для меня табу, тогда как для белых (то есть безэмигрантов — Авт.) он был наглухо закрыт, вместе с любыми идеями о развитии отношений". Вместе с тем большинство "белых" приняло самое важное для себя решение — воевать против Гитлера. На стороне Франции, Англии, Америки — уже не так важно. Они думали о России.

В ОКСА ЗАСТАЛА ВЫРУБОВА в тихом Оксфорде, где он постигал науки: "Я считал своим долгом русского, находясь за границей, поддерживать честь своего рода и принести пользу общине, среди которой мне приходилось жить. Добровольное участие в войне стало частью моей жизни. Я не имел возможности немедленно вернуться во Францию. К тому времени в Англии уже создавал своё движение де Голль, и в 1940 г. я записался к нему добровольцем. Вначале нас было всего около двух тысяч человек". Пена-

После демобилизации герой войны — командор Почётной ордена и соратник Освобождения — получил наконец-то французское гражданство и был принят на работу в качестве международного должностного лица в ООН, где занялся проблемой беженцев. Он-то понимал, что это такое! И опять — ни минуты свободной, а выйдя на пенсию, Вырубов обратил внимание на дома престарелых — "больную тему" в XX столетии. Это сейчас европейская социалка вызывает честную зависть, а тогда одинокие старики доживали в неимоверных условиях — если, конечно, не были миллионерами!

Николай Вырубов — о нём гораздо лучше знают в Париже, чем в Москве, а он достоин того, чтобы восстановилась историческая память. К тому же, он великопено рассуждал о русской монархии и причинах революций, о Керенском и Распутине, о свойствах русского человека — положительных и отрицательных. Многократно подчеркивал, что обязанность дворянства — работать в интересах общества и быть национальным по духу и содержанию. "Многих из нас объединяет желание сделать что-то доброе для русского народа", — говорил Вырубов. Истинный аристократ. И очень русский.

Галина ИВАНКИНА

ВОЕННЫЕ СНЫ

Второй поэтический сборник Максима Шмырёва

Шмырёв Максим. Сны Павла. — М. : Изд-во кн. маг. "Циолковский", 2021. — 87 с.

ПОЛАГАЕТСЯ чувствовать "известную неловкость", сочиняя рецензию на книжку, к которой сам же и написал предисловие. Но я её чувствовать не стану, потому что уже дожил до тех лет, когда сложно испытывать неловкость по какому бы то ни было поводу, да и не рецензия это, а совет и пожелание читателю отыскать книжечку "Сны Павла" и прочесть её.

"Сны Павла" — второй стихотворный сборник поэта, прозаика и мастера исторических штудий Максима Шмырёва. Книга компактная, в ней всего 87 страниц, включая титульный лист и содержание. К слову, в предыдущем сборнике "Стихотворения", изданном в 2014 году, было и того меньше — 64 страницы. Объём невелик, и, разумеется, "Сны Павла" не полный свод стихотворений Максима. Перед нами Избранное. Автор оставил за бортом (в контексте этой книги абсолютно уместна морская метафора) почти всю лирику, стихотворения, не совпадающие с хорошо различимой единой мелодией сборника. Мелодия эта, по преимуществу, военная. Но это не браурный марш, а, скорее, солдатская песня:

В бою погиб рядовой,
Выпрыгнув из окопа,
Который вернуться домой
Хотел, а окрест Европа.
Хотел вернуться к земле,
Печке, где рядом дети.
Но умер, а в том оазе
Никто не заметил смерти.

Максим действительно пишет скупое в количественном выражении, но берёт качеством поэтического мяса. Оно свежее, с кровью, и филигранно подготовлено к подаче на читательский стол:

Под старой вишней Ланселот
Листал старинный том,
Как будто из филок мёд,
Была листва кружом.
Он прочитал десяток строк,
Упал на кизу лист.
И зашумел высокий дождь,
Проснулся остролист.
И вышел на поляну Том,
В зеленом колпаке,
Что любит высокосный год
Отметить в кабаке.
Промолвил: "Листья, Ланселот,
Страхны с воротника", —
И посмотрел на небосвод,
Где плыли облака.

В авторском предуведомлении Максим Шмырёв объясняет название сборника переключкой с книгой русского беломизгранта, приятеля и соавтора Владимира Набокова, Ивана Сокозотонича Лукаша "Сны Петра" (Белград, 1931). У Лукаша текст прозаический, книга его имеет подзаголовков "Трилогия в рассказах", но написана она таким ритмически выверенным и пружинящим языком, что грань с поэзией становится неразличимой. Поэтому отсылка вполне состоятельна.

Собственно, уже с этого сопоставления начинается работать, на мой взгляд, одно из важных свойств поэзии Максима Шмырёва. Она образовывает читающего, расширяет его мир, насылая его героями и чудовищами, святыми и блаженными.

Даниил ДУХОВСКОЙ

...но продолжают сраженьё
"Алабамы" всех стран,
Благовестует Спасенье
Грозами "Алабам".
И, от крови багряны,
Словно пьянящий мак,
Не спускают южане
звёздно-крестовый флаг.

Население стихотворений Шмырёва пёстро-интернационально и полихронично, американцы, немцы, итальянцы, французы, владимирские князья и умершие рок-поэты... Но стихи при этом абсолютно русские и безусловно современные, а широта географии и свободное чередование эпох — ни что иное, как проявление русской всемирности и всечеловечности.

Основные мотивы, звучащие в стихах Максима: война, упование на обречение Рая, ощущение быстротечности жизни и вечности природы, осознание непостижимости дара бытия. А понятие долга, воинского ли, христианского ли, настойчиво возникает в качестве способа наполнения этого непостижимого смысла.

Максим Шмырёв — выпускник Литературного института им. Горького. Учился он у старого поэта Юрия Поликарповича Кузнецова, автора знаменитых строк "Я пил из черепа отца..." Не знаю, чему он у Кузнецова научился, во всяком случае, мэтр и Литинститут Максима не испортили. В моём, в нашем с Максимом, поколении ярлык "учился в Литинституте" звучал, скорее, как отрицательный знак качества — в анархической среде юнойшей из московских 90-х было принято считать, что научить неталантливов человека писать нельзя, а загубить талант избыточной школой и "литературностью" очень даже можно. Максим Шмырёв — сын, внук и правнук русских солдат — счастливо избежал этой усреднённой литературности, его авторский голос индивидуален и внятен:

В сумерках тело белело,
Рядом стояла кровать,
Женщина не сумела
Его до утра поднять.
Мучилась без пользы
И уснула потом.
А облака, как розы,
Расцвели за окном.
И лучи, сияя,
Падали на него,
Возможно, ещё не Рая,
Но преддверья его.

Книгу "Сны Павла" я рекомендую прочитать всем, кто способен откликаться на живое поэтическое слово. Под её изящной и вычурной обложкой с бабочками, императором и географической картой заключена настоящая поэзия. Высокой пробы.

Можаяев Александр. За чертой : роман. — М. : Вече, 2022.

ВЫДАЮЩИЙСЯ современный русский писатель Александр Можаяев к своему 65-летию подошёл с новым романом "За чертой", романом итоговым, который, по моему глубокому убеждению, уже стал значительным событием в русской литературе XXI века. Это как рождение сверхъуркой звезды — она уже есть, появилась, но лучи её когда-то ещё только достигнут людских глаз! Особенно в наше тёмное и беззвездное время...

Тем радостнее, что роман, появившийся на свет совсем недавно, уже замечен и (в сокращении) опубликован в журнале "Отечественные записки", а сейчас подготовлен к изданию полная версия произведения Александра Николаевича в одном из лучших современных русских издательств — издательстве "Вече" — с другими повестями и рассказами автора.

ИЗ-ЗА ЧЕРТЫ

О казачьем романе Александра Можаяева

ПО ТУ СТОРОНУ БОЛИ

Сказать, что роман "За чертой" — о воюющем Донбассе, не сказать ничего! Слишком много браурного, шутовского, даже кощунственного было написано (и хуже того — премировано в РФ) о братоубийственном конфликте на юго-востоке бывшей Украины. Написано людьми, ни разу не бывавшими там или выезжавшими туда только на фотосессии.

Роман Можаяева — целиком оттуда, из-за "черты", которая автору знакома не понаслышке. Слишком много автобиографических черт несёт в себе центральный образ романа, образ Атамана, проводника групп российских добровольцев, идущих тайными тропами в ополчение Донбасса, в обход украинских растяжек и айдаровских засад.

Точное, подробное знание трагических событий весны-лета 2014 года на Луганщине, — не скачать из интернета, оно у Можаяева своё, кровяное, изболелвшееся внутри.

И здесь очень важно отметить, на мой взгляд, определяющее качество этого произведения, а именно: "За чертой" — это казачий роман. Давно пора уже ввести это определение. И роман Можаяева вполне заслуженно и спокойно, по праву, занял своё место в ряду таких романов, как "Тихий Дон" (о судьбе донского казачества), "Даурия" (о судьбе забайкальского казачества), "Урал — быстра река" (о судьбе оренбургского казачества). Все перечисленные произведения были написаны о Гражданской войне в России начала XX века. Новый казачий роман повествует уже о смуте начала века XXI.

Герои романа — как безвестные хуторяне, казаки (именно казаки, а не "потомки казаков", потому что без колебаний идут защищать свою родину от пришло бандеровской нечисти), так и прославленные герои Новороссии: Бэтмен, Мозговой, Болотов... Им выпало жить и умирать на родовых землях Всевеликого войска Донского, поделённого в своё время сдателями СССР между двух бывших "братских" республик.

Но онтологический разрыв между этими "братскими" республиками уже заложен заезжими безродными интернационалистами по руслу реки Деркул. Именно эта река с началом войны становится для героев романа "чертой", которая резко делит их жизнь на "здесь" и "там".

Здесь — Россия, "Армааты" и "Сарматы", "Калибры" и "Солнцелёнки", мощнейшая армия в мире и День Победы, там — кровавый голак в исполнении уголовников и мародёров, фашистское и полицейское отречение, недобитое после Великой Отечественной войны; нежить, эсгимированная коллективизмом Западом в 2000-е годы нового столетия против России. И против тех, что там всё ещё чувствует себя Россией.

"Чертой" становится и сама война в Донбассе, которую автор понимает как суд. Суд за безбожные пятилетки и расказачивание, суд за пьянство и блуд позднесоветских лет и нового времени, за аборт и безверие, соглашательство с комфортной украинизацией и трусость. Недаром у Можаяева в романе с началом боевых действий сталкиваются два потока: в первом — бегущие с Донбасса здоровенные молодые лбы из местных (с айфонами и украинской пропиской), во втором — добровольцы из России, зачастую уже в возрасте, идущие навстречу им, умирать за них...

Не стоит ожидать от знакомства с этим романом лёгкого чтения: многолетняя, трагичная, изломанная страсть Кудина и Наташи обрывается за "чертой" — его, израненного, заживо сжигают фашисты из "Ай-дара"; её, разведчицу, дают БТРом спецз из укровомахта; умирает от рака и Бармалей, сдвоенный горем изнутри, поставленный на разворованную гуманитарку

и раненых, на обмен трупов погибших; сходит с ума потерявший жену под украинскими бомбами Носач... Да и сам Атаман тоже оказывается "за чертой" — за чертой памяти и вины, за чертой непреходящей боли и горя.

Неслучайно, что в конце романа его главный герой приходит к ветхозаветному мироощущению Иова, которое автор вынес в эпиграф к своему произведению: "...предамся печали моей; буду говорить в гонимости души моей" (Книга Иова, Глава 10:1).

Но при всём при этом, хотел того Александр Можаяев или нет, роман исполнен дыхания Нового Завета с неотменимой заповедью Спасителя: "Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя" (Иин. 15: 13). И все русские герои романа "За чертой", живые и мёртвые, всё-таки искупают и свою грешную жизнь, и всё наше нынешнее безвременье, полагая души своя за други своя!

КРАЙНИЕ РОССИИ

Сегодня, как и всегда, писатель на Русской земле — "крайний" и в ответе за всё, на ней происходящее. Разумеется, не по совокупности вины, а по неотменимой ответственности мироощущения. И не важно, размышляет ли он о греховной двусмысленности своего божественного ремесла, как Владимир Кругин, или до земной усталости сердца упивается щедрой благодатью отеческого художественного слова, как Александр Можаяев, — не важно... Важно только, чтобы писатель этот был подлинным.

Новая книга Александра Можаяева — итоговая. В ней собраны, наряду с романом "За чертой", повести и рассказы последних пятнадцати-двадцати лет. Раздел её "На краю России" в равной степени может быть назван и "На краю Украины". Потому как норовистая степная река Деркул в своём стремительном течении сквозь духовные страницы прозы Александра Можаяева по мистической ленинской указке делит два соседних казачьих хутора на два никогда досель не существовавших государства: РФ и Украину. Когда-то в большой русской истории, горько усмехается Можаяев, деды служили в одном казачьем полку, ныне — "внуки служат в разных армиях". И не только "служат", но уже и воюсо стреляют друг в друга.

У Можаяева дыхание войны — грозовое, с близких предгорий Кавказа — опалает прозу задолго до нынешнего братоубийства в Донбассе. В первую очередь это касается рассказа "Сретенье", где одуревшая от телекликушества разного рода "комитетов солдатских матерей" Ольга, мать солдата-срочника, бросается "спасать своего Лёшу из войны". Бог весть как пробравшись на передовую, пристыженная там своим возмужавшим сыном, Ольга, обдирая в кровь

руки и сердце, чудом возвращается домой. И самыми страшными для неё оказываются не блокпосты и минные поля Чечни, а бандитская действительность "мирной" России, сплошь и рядом ставшей уже "прифронтовой".

Другие вкрапления военной темы в прозу Можаяева (рассказ "Сон", афганская повесть "Сары-Буль"), скорее, являются гуманистическим последствием к "оправданному" (приказом, присягой, многовековой традицией) человекоубийству на войне. Душа героев (бывших воинов) мытарствуе в поисках если не мистического прощения ("Сары-Буль"), то хотя бы забвения ("Сон") былых грехов. Или подвигов...

Есть в этом, на мой взгляд, что-то надрывное — от толстовства и старообрядчества, что, как правило, заканчивается революциями, майданами и ещё большей кровью. И тогда уже вдова при живом муже (сопсланном на Колыму) хуторянка Евгения самовольно входит в пылающий храм, подожжённый комбедовскими активистами (рассказ "Крещение"). Что опять-таки возвращает нас к душепагубным аввакумовским "гарям", тоже самовольным.

Правду сказать, "старообрядческая особинка" (попнутая для сложной в конфессиональном отношении области Войска Донского) не становится определяющей в книге Александра Можаяева (что неминуемо де-

портировало бы её из разряда общерусской прозы в область этнографической).

Более того, такие произведения Можаяева, как повесть "Деркул — быстрая река", рассказы "Ошибочка", "Пастухи", "Дед Серёга", "На краю России", совершенно очевидно являются лучшими страницами современной русской прозы, и здесь коротеньким обзором не отделаешься.

Так что, подытоживая, необходимо сказать, что Александр Можаяев сегодня — один из немногих (если не единственный) современных русских прозаиков, в такой полноте продолжающий народно-смеховую и в то же время глубоко трагическую гоголевско-шолоховскую традицию русской литературы. Здесь, совершенно не обинуясь, проглядывают на свет Божий и "Шинель", и "Как поспорили Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" (рассказ "Сумка"), и "Тихий Дон" с "Поднятой целиной" ("Деркул — быстрая река"). Порой даже задуматься: зачем Можаяев с таким неведомым упорством всё пишет и пишет свою краероссийскую (почти малороссийскую) жизнь, не прясая от неё и не прясая её? С подцензурным словцом подчас, с нередким мордобоем и усталым пропойством вокруг. И понимаешь: ежели покрепче тряхнуть эту грубую хуторскую жизнь, выкатятся из неё крепкие зёрна созревших человеческих судеб; нашу же "уточнённую" столичную жизнь, как ни тряси, ничего уже, кроме перхоти, из неё не сыплется.

Поэтому слава и премии, как пена по Деркулу-реке, плывут себе и плывут, увы, мимо. А Можаяев стоит. Воистину — на краю России. Крайний за неё.

Алексей ШОРОХОВ

На фото: атаман А.Н. Можаяев и ветеран Великой Отечественной войны Л.В. Борисенко